

ОБОРОНА РОССИИ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАПАДЕНИЯ ВЕРОЯТНОГО ПРОТИВНИКА

А.И. Подберёзкин, А.В. Жуков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

В данной статье анализируется концепт стратегической стабильности и его современное развитие в отечественной военно-политической мысли. Авторы отмечают, что расширение смыслового наполнения концепта стратегической стабильности в Российской Федерации вызвано развитием стратегических неядерных сил сдерживания и линией США на снижение зависимости американской внешней и оборонной политики от фактора ядерного сдерживания. Данные изменения военно-политической обстановки в мире привели к снижению стабильности во взаимоотношениях ключевых государств, несмотря на некоторое распространение технологий ядерных вооружений в странах Азии.

В статье предпринята попытка доказать, что Российская Федерация в состоянии противостоять новым вызовам, связанным с качественными изменениями отношений взаимного сдерживания с США. Для этого авторы последовательно анализируют исторический контекст и концептуальные основания политики сдерживания – в том числе, недавние документы, принятые на высшем уровне в России. Кроме того, авторы анализируют недавно принятые на вооружение системы крылатых ракет в России и США, а также системы противоракетной обороны, которые изменяют соотношение сил для гарантированного ответного удара стратегических ядерных сил. Исходя из текущих технологических разработок и временных рамок их внедрения, авторы делают вывод, что России удалось добиться существенных результатов в сфере воздушно-космической обороны, в то время как военно-морская оборона и внедрение новых средств доставки нуждается в дополнительном внимании соответствующих инстанций. Наконец, авторы отмечают, что развитие отечественного военно-промышленного комплекса напрямую зависит от экономического развития страны, а это означает, что степень эффективности российских стратегических вооружений должна оставаться существенно выше, чем у зарубежных аналогов.

Ключевые слова: стратегическое нападение, сдерживание, ядерное оружие, оборона, стратегия, США, Россия, внешняя политика, военная политика.

УДК 355.432.2

Поступила в редакцию 29.09.2018 г.

Принята к публикации 16.12.2018 г.

В отечественной и зарубежной научной литературе немалое внимание уделяется явлению стратегического сдерживания между ключевыми великими державами современности – США и Российской Федерации. В связи с появлением новых вызовов и угроз, сокращением ядерных арсеналов и изменением военно-политической карты мира, некоторые специалисты (такие как, например, Л. Фридман) высказывают мнение, что и содержание стратегического сдерживания будет трансформироваться [3; 8; 10]. Встаёт закономерный вопрос о том, могут ли государства приспособиться к новым условиям и использовать их в своих целях [7; 9]. Многое зависит от концептуализации понятия сдерживания, от определения новых качеств современного сдерживания и новых элементов международной среды [12]. Именно выявлению специфики российских подходов к сдерживанию, концептуализации новых элементов сдерживания в отечественной военной и военно-политической мысли посвящена настоящая статья.

С методологической точки зрения, авторы опираются на дескриптивные и историко-понятийные (Р. Козеллек) подходы, направленные на деконструкцию дискурса о сдерживании и определении текущего понятийного ядра этого концепта в условиях новой военно-политической обстановки в современном мире.

Вторая половина XX в. была во многом обеспечена отсутствием глобальной войны именно из-за существования возможности стратегического сдерживания посредством ядерного устрашения (англ. *deterrence*), которое вплоть до недавнего времени не ставилось под сомнение и рассматривалось не только как стратегическое равновесие, но и, по сути, как военно-стратегическое равенство. Политический суверенитет СССР и России в настоящее время в конечном счёте, как известно, гарантирован возможностями СЯС РФ нанести ядерный удар по территории США и их союзников. Грубо говоря, до сих пор считалось, что политический суверенитет равнозначен способности отразить ядерное нападение, которое рассматривалось как стратегическое нападение, которое могло быть осуществлено, как правило, в очень ограниченном наборе заранее подготовленных планов-вариантов использования СНВ [1].

Эта возможность нанесения Советским Союзом и Россией ответного удара в течение нескольких послевоенных десятилетий обеспечивала стратегическое равновесие и гарантировала СССР, а затем России, практически полную самостоятельность при принятии важнейших политических решений. Причём не только при защите собственной территории, но и интересов своих союзников (СССР несколько раз прибегал к эксплицитным угрозам) и интересов СССР и России за рубежом [6]. В этом смысле стратегическое сдерживание несло в себе и глубокий политический смысл как способность гарантировать защиту интересов национальной безопасности посредством угрозы применения ядерного оружия (рис. 1).

Рис. 1. Эволюция роли ядерного оружия среди средств и способов стратегического нападения

Picture 1. Evolution of nuclear weapon's role in the balance of different means of strategic offence

Однако к началу XXI в. эта ситуация, от которой долгие годы пытались избавиться США, создавая качественно новые системы стратегических наступательных вооружений и управления ими, была поставлена под сомнение. Это означает, что сомнения могут возникать уже и в отношении всего военно-стратегического равновесия, включая военные возможности на разных театрах военных действий и соотношения в самых разных областях. Но такие же сомнения могут возникать и в политическом плане, что уже ставит под вопрос существование суверенитета и независимой политики. Эрозия этих представлений к концу второго десятилетия достигла такого уровня, когда суверенитет России в целом ряде областей, прежде всего политике, экономике, финансах, стал ставиться под сомнение потому, что оказался оторванным от военно-стратегического суверенитета, рассматриваться в качестве возможного для ограничения с помощью силовых, но не военных инструментов политики «силового принуждения».

Более того, во втором десятилетии стало ясно, что против целого ряда силовых средств, способов и угроз со стороны Запада ядерное оружие, включая стратегическое, бесполезно, а его ценность стремительно падает. Соответственно трансформируется и представление о стратегическом сдерживании, которое в XXI в. приобретает более широкое понятие как способность того или иного государства

эффективно управлять своими силовыми компонентами и средствами политики в условиях кризиса. Особенно в связи с появлением новых видов и систем оружия в области противоракетной и противовоздушной обороны (ПРО-ПВО), с одной стороны, космических систем и средств высокоточного оружия (ВТО), с другой. Эта тенденция набирает силу, угрожая к 2025–2030 гг. возникновением такой военно-политической обстановки (ВПО), когда стратегические потенциалы станут экзотическими средствами ведения войны в исключительных обстоятельствах, освобождая руки для любых силовых и собственно военных действий.

С терминологической точки зрения важно понимать, что нужно достаточно определённо отличать стратегические средства и силы для нападения, обороны и сдерживания. Эти силы, в свою очередь, делятся на военные (вооружения, военная и специальная техника и вооружённые силы, ВВСТ и ВС) и невоенные (экономические, политические, информационные и так далее). При этом достаточно условном делении необходимо иметь в виду, что:

- различия между стратегическими, оперативными и тактическими средствами в настоящее время достаточно условны и нередко исчезают;
- как правило, военные и не военные стратегические средства используются системно и совместно. Даже в тех случаях, когда происходит применение только не военных силовых средств, их эффективность обеспечивается стратегическими военными силами. Так, торгово-экономические санкции против Кубы обеспечивали ВМС США, а против России сегодня вся военная машина, включая средства разведки, наблюдения, мониторинга.

Такая же непростая ситуация наблюдается и в области военного искусства, то есть разработки способов и методов наиболее эффективного применения стратегических сил и средств, а также в области политического искусства и его отдельного направления – военно-политического искусства, где в самые последние годы наблюдаются серьёзные изменения. В частности, «стратегическое нападение», «ядерный удар», «стратегическая оборона» и «стратегическое сдерживание» – эти понятия долгое время находились в основе представлений о внешней и военной политике и отношений ядерных держав [6]. Под ними, как правило, понимались вполне определённые представления о роли и значении, а также способах использования ядерного оружия, которое было вполне конкретно связано с существованием и развитием стратегических наступательных вооружений (СНВ), характеристику которых определили в ходе советско-американских переговоров об ограничении СНВ как средств доставки, обладающих дальностью более 5000 км, оснащённых ядерными боеголовками или бомбами.

Эволюция средств стратегического нападения, обороны и сдерживания в XXI в.

За очень короткий период времени в 20–25 лет представление о стратегическом сдерживании в США и отчасти в России претерпело принципиальные из-

менения. Если прежде под этим понятием понималось преимущественно «ядерное сдерживание», то есть возможность нанесения неприемлемого ущерба в случае военного нападения на СССР и Россию, то в настоящее время можно констатировать, что стратегическое сдерживание превратилось по сути в политику обеспечения национальной безопасности – «реализацию органами власти... политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворения национальных интересов»¹.

Другими словами, от очень узкого толкования понятия «стратегическое сдерживание» как синонима «ядерного сдерживания» ушли в направлении очень широкого понимания защиты всех национальных интересов и синонима понятия «обеспечение национальной безопасности», что стало отчасти повторением известного опыта США, когда существовало достаточно узкое понятие «ядерное сдерживание» («deterrence») и более широкое – «сдерживание СССР» («коммунизма»), – определявшееся термином «containment». В те годы (70-е и 80-е) существовала определённая путаница, связанная с тем, что термин («сдерживание») в СССР переводился одинаково при наличии принципиальной разницы в терминологии. Но дело в конечном счёте не в терминах, а в том, что в СССР и позже в России, вплоть до недавнего времени существовала инерция и традиция рассматривать «сдерживание» как именно «ядерное сдерживание», хотя оно уже фактически давно устарело.

Сегодня уже мало кто пользуется этими понятиями в их изначальном смысле, но важно вернуться сейчас коротко к их реальному значению, которое сохранилось так или иначе в военно-теоретическом мышлении Запада. Так, «ядерное сдерживание» («deterrence») вообще-то имело в виду «точный выстрел на охоте», «убийственный выстрел», который в ядерной стратегии мог означать только одно – ядерное уничтожение.

Другое дело – «сдерживание СССР» («containment»), которое означало в изначальном понимании гарантированную защиту ядерного реактора от внешних факторов, то есть защиту государства от внешней угрозы.

В настоящее время мы пришли к пониманию расширенного толкования сдерживания как защиты всех национальных интересов (всеми органами власти и общества и всеми мерами, как указано в Стратегии национальной безопасности), но наша инерция мышления в политике и военной области продолжает хранить традиции «ядерного сдерживания», которые сегодня не отражают реалий, хотя нельзя отрицать и того, что некоторые представители правящей элиты полагают, что для защиты экономических и финансовых интересов можно было бы использовать ЯО.

Таким образом, мы констатируем, что по мере распада Организации Варшавского договора (ОВД) и СССР само представление о «ядерном сдерживании»

¹ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

менялось потому, что ядерное оружие перестало быть универсальным политическим средством для решения важнейших вопросов – экономических, финансовых, политико-дипломатических и даже военных. Его функции существенно ограничились функциями «последнего аргумента» при защите национального суверенитета, но уже слабо используемого при защите невоенных национальных интересов. Что и нашло своё отражение в Военной доктрине России и выступлениях ряда высших руководителей, допустивших применение ядерного оружия в ответ на использование неядерных вооружений. Кроме того, появились целые военно-технические направления (ВТО, ПРО, оружие, основанное на новых физических принципах, и др.), которые стали стремительно девальвировать стратегические ядерные силы (СЯС), а их использование рассматривалось в Военной доктрине России как условие применения ядерного оружия (ЯО).

Наконец, создание в КНР, Индии и других государствах (включая КНДР, Израиль, Пакистан) ядерных потенциалов привело к объективному обесценению ядерного оружия, при котором стратегическое нападение на Россию, например, может быть реализовано неядерными средствами, а политический результат, полученный при этом, может быть приравнен к победе в войне. Так, вполне реализуем сценарий, который попытались осуществить в 1990-е гг. на Северном Кавказе, когда экстремистские силы, подготовленные и финансируемые извне, развертывают широкомасштабные военные действия против России. Современные потенциальные театры военных действий (ТВД) подобного рода, где ответные действия Вооруженных сил России не будут предполагать применения ядерного оружия (хотя и официальное руководство России и делало на этот счет конкретные оговорки²): Украина, Кавказ, Средняя Азия

Но ключевая причина в изменении роли ядерного оружия заключается в том, что в настоящее время ситуация в ядерной области стремительно меняется вместе с радикальными изменениями международных и военно-политических отношений. Прежде всего, во-первых, потому, что появилась **политическая потребность** у западной военно-политической коалиции принудить Россию к отказу от суверенитета, который остаётся фактически единственным средством, гарантирующим безопасность России, с одной стороны, и сознательное и быстрое развитие Западом новейших **военно-технических средств** (прежде всего, ВТО и гиперзвуковое оружие, а также средства ПРО) для того, чтобы вернуть угрозам использования военной силы реальные и практические возможности. Другими словами, превратить стратегическое нападение из ядерной операции в масштабное использование неядерных сил, естественно, под угрозой ядерной эскалации.

Таким образом, стратегическое нападение стало рассматриваться в качестве реального политического инструмента, а создание потенциала для его применения – как цель военно-технической политики. Такой потенциал должен вклю-

² Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

чать самый широкий набор силовых инструментов, спектр которого включает как самые безобидные возможности «мягкой силы», так и угрозу применения стратегического ядерного оружия.

С политической точки зрения, такая политика Запада стала естественным и логичным продолжением политики после ликвидации СССР и ОВД, которая фактически привела к потере большинством стран советского блока и бывших советских республик своей независимости и суверенитета, когда вопрос вплотную встал об ограничении суверенитета России, мешавшего установлению «общепризнанного» международного порядка.

В течение ряда лет этого успешно добивались применительно к России, «поднимаясь» по различным стадиям эскалации экономических, финансовых, информационных, демографических и иных мер, постепенно сужая возможности принятия самостоятельных решений правящей элитой России.

К концу 1990-х гг. такая эскалация привела к потере Россией значительной части не только финансово-экономического, но и военно-политического суверенитета, что очень хорошо было видно по вмешательству как в военную политику России, так и в Югославии, на Кавказе и в Средней Азии. Последним рубежом сохранения Россией политического суверенитета стал контроль над стратегическими силами («кнопка»), который ассоциировался с президентской властью и полномочиями главнокомандующего [4, с. 659–836]. Однако к концу 1990-х гг. уже и этот контроль становился всё более символическим – хаотичное сокращение СНВ России и физическое устаревание ВВСТ привело к тому, что при отсутствии масштабной модернизации СНВ становились в возрастающей степени символическим и исчезающим потенциалом, который мог «растаять»³.

К началу второго десятилетия нового столетия политика Запада в отношении России стала открыто принимать форму «силового принуждения» (англ. *the power to coerce*), важнейшим элементом которой должна стать концепция «стратегического нападения» [11, с. 5-10]. Эта концепция должна прежде всего гарантировать Западу эффективность использования всех других силовых средств, включая конвенциональные средства, а также обеспечить контроль над эскалацией (сохранение преимуществ на каждой из ступеней развития конфликта) в случае перехода войны на уровень, когда используются стратегические вооружения в ядерном или обычном, неядерном, оснащении. Таким образом стратегический потенциал России – политически и исторически – остался пока что единственной гарантией суверенитета государства, но его эффективность уже поставлена под сомнение.

Выход России из кризиса сопровождался постепенным возвращением ей суверенных функций в области внутренней, финансовой, экономической и военной политики, уступленных ею в 1980-е и 1990-е гг. XX в. Во многом этому способствовала функция возможности нанесения ядерного удара, т.е. возвращение,

³ The National Military Strategy of the United States of America 2015. Wash. 2015. P. 10.

например, международного суверенитета во многом было обеспечено тем, что у России сохранился эффективный ядерный потенциал. Этот потенциал играл и играет исключительно важную роль не только гарантии от ядерного нападения, но и сдерживания от военного нападения вообще и (отчасти) от политического давления. Естественно, что в условиях, когда Запад пытается фактически обесценить этот потенциал, Россия предпринимает все необходимые усилия, чтобы не допустить этого, прежде всего, в военно-технической области, создавая свои системы ВТО и преодоления ПРО, гиперзвуковые системы оружия.

Одновременно в военно-политической области Россия вышла из относительно узкого понимания «стратегического нападения» как нападения с помощью только ядерного оружия. В Концепции национальной безопасности, Военной доктрине, выступлениях высших политических и военных руководителей было сформулировано новое представление о возможности отражения стратегического нападения без ядерного оружия с помощью СНС России и других систем.

Этот подход означал, что в России пересмотрен целый ряд положений военного искусства и политики относительно использования ЯО. Другими словами, у ядерного оружия, в особенности его стратегического потенциала, всегда существовало не только военное, но и политическое назначение – «ядерного сдерживания» или «сдерживания посредством ядерного устрашения» (англ. *deterrence*). В настоящее время понятие «сдерживание» в России трактуется шире, – уже не только как «ядерное сдерживание», но и как военное противодействие стратегическому нападению с применением неядерного оружия, т.е. способности военно-силового противодействия, включая и политическую способность нейтрализовать военные угрозы. Другими словами, сфера политического сдерживания распространяется и на неядерную область.

У этой возможности политического сдерживания, однако, есть и известный огромный недостаток – слишком высока вероятность (более того, она практически неизбежна) эскалации военного конфликта, в том числе, неконтролируемого ядерного конфликта, в результате которого будет нанесён катастрофический ущерб всем участникам военного и ядерного конфликта. Это делает сознательное использование ядерного оружия в качестве политического инструмента крайне рискованным и из-за этого маловероятным, а по мере развития неядерного стратегического ВТО, новых средств поражения и ВКО, – и все менее эффективным.

В период до 2025 г. России предстоит расширять всю линейку средств и способов противодействия стратегическому нападению, не полагаясь только и исключительно на СНВ. В частности, это потребует:

- разработки и модернизации новых СНВ и средств преодоления ПРО;
- разработки и развертывания всего спектра ВТО на разных платформах и в достаточно большом количестве;
- разработки и создания новых систем ВКО, в особенности средств перехвата межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ);

– совершенствования системы управления, раннего обнаружения, оповещения и контроля над ВПО в мире.

Новые представления о средствах стратегического нападения

Стратегическое сдерживание и стратегическая оборона – два не вполне совпадающих понятия. Если «стратегическое сдерживание» можно рассматривать как способность сохранять контроль над кризисной ситуацией и управлять развитием политического и военного конфликта на самых разных его стадиях, то «стратегическая оборона» – собственно военная часть стратегического сдерживания.

В XXI в. стратегическое нападение может быть осуществлено уже не только при помощи ядерных вооружений, но и комплекса неядерных средств, способных выполнить эту стратегическую задачу, без неизбежной угрозы перерастания глобального конфликта во всеобщую ядерную войну [11, с. 5-10]. Перечень таких средств стремительно увеличивается и не ограничен известными сегодня, а способы их применения постоянно совершенствуются, либо создаются сознательно заново. В настоящее время их условно можно разделить на следующие четыре группы:

- стратегические наступательные вооружения (СНВ), включающие широкий спектр вооружений и военной техники наземного, космического, морского и воздушного базирования, оснащённые неядерными боеприпасами;
- стратегические и иные средства воздушно-космической обороны, способные как уничтожать стратегические средства нападения, так и являться таковыми;
- стратегические неядерные вооружения, способных выполнять эти функции, не являясь таковыми по своим тактико-техническим характеристикам (ТТХ);
- ВВСТ и специальная техника, способная обеспечить решение специальных стратегических задач (кибер- и информационное оружие, средства радиоэлектронной борьбы и т.д.).

К стратегическим неядерным средствам можно отнести, например, крылатые ракеты большой дальности, оснащённые неядерными боеприпасами, которые были использованы США в Сирии, а до этого в Ливии, Ираке, Афганистане и Югославии.

Крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) являются основным средством поражения, входящим в состав вооружения самолетов стратегической бомбардировочной авиации ВВС США. Оперативно-тактической особенностью крылатой ракеты (КР) этого класса является режим пассивного следования рельефу местности на предельно малых высотах на дозвуковой скорости. В качестве силовой установки используется турбореактивный двигатель, обеспечивающий наиболее экономичный расход топлива в заданных условиях полета [2].

Сверх- и гиперзвуковые крылатые ракеты

В США одним из приоритетных направлений развития средств воздушно-го нападения является реализация программ создания сверх- и гиперзвуковых крылатых ракет с большой дальностью стрельбы, которые будут предназначены для нанесения в кратчайшие сроки массированных, одиночно-избирательных ракетных ударов по наземным и морским критичным по времени целям. Во время наземных испытаний двигателя были оценены системы охлаждения, а также управления им на сверхзвуковых скоростях. Его запуск производится с использованием этилена с переходом на керосин марки JP-7. Двигатель SJX61-1 испытан в наземных условиях сначала на скорости, соответствующей максимальному числу $M = 4,5-5$, а затем $M = 6,5$.

В настоящее время специалисты научно-исследовательского центра ВМС совместно с ВВС, НАСА и Управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (ДАРПА) в рамках демонстрационной программы «Революционный подход к критичному по времени дальнему удару» (Revolutionary Approach To Time Critical Long Range Strike, RATTLRS) работают над созданием семейства сверхзвуковых ($M = 3-4$) управляемых ракет классов «воздух – земля» и «корабль – берег». Ракета предназначена для поражения критичных по времени целей. Предполагается, что ракетой класса «воздух – земля» будут оснащены тактические истребители и стратегические бомбардировщики. Стоимость серийного образца ракеты при производстве партии в 2 500 единиц не должна превышать 600 тыс. долл. Основные тактико-технические требования, предъявляемые к сверхзвуковой управляемой ракете, приведены в табл. 1.

Таблица 1. Сравнительные характеристики КРВБ
Table 1. Comparative features of Air-Launched Cruise Missiles

Характеристика	AGM-86C Block 1A	AGM-86D Block 2	AGM-158A	AGM-158B
Дальность стрельбы, км	1 500	1 500–1700	400	800–1000
Скорость полета, м/с	208–236	208–236	208–236	208–236
Точность наведения (КВО), м	5–15	3-5	3	3
Стартовая масса, кг	1 950	1 950	1050	1100–1200
Тип и масса БЧ, кг	Осколочно-фугасная, 1 360	Проникающая, 400	Осколочно-фугасная или проникающая, 430	Осколочно-фугасная или проникающая, 400
Система наведения	ИНС/ПС КРНС + «Терком»	ИНС/ПС КРНС, работающая в дифференциальном режиме, + «Терком»	ИНС/ПС КРНС (начальный и средний участки); ТПВ ГСН и система автоматического распознавания цели (конечный участок)	ИНС/ПС КРНС + ТПВ ГСН и система автоматического распознавания цели

Таким образом, основным вооружением самолетов стратегической бомбардировочной авиации являются крылатые ракеты воздушного базирования как в ядерном (AGM-86B), так и обычном оснащении (AGM-86C и D, AGM-158A и B). С учётом заключенных договоров по сокращению ядерных вооружений, а также по причине истечения срока эксплуатации ракет AGM-86B часть задач будет возложена на крылатые ракеты воздушного базирования в неядерном оснащении, которые, как показали исследования, при высокой точности наведения на цель по эффективности не уступают КР с ядерной БЧ.

Кроме того, в США ведутся интенсивные работы по созданию сверх- и гиперзвуковых крылатых ракет воздушного базирования с дальностью пуска не менее 1 000 км. Основное преимущество таких КР – малое подлетное время (10–20 мин в зависимости от дальности до цели) и трудность их поражения существующими средствами противовоздушной обороны.

В настоящее время в стране реализуется несколько программ по разработке демонстрационных образцов сверх- и гиперзвуковых крылатых ракет, в частности RATTLS и X-51A. Они уже проходят летные испытания, и, как планируется, войдут в состав вооружения самолетов стратегической бомбардировочной и тактической авиации [2, с. 60-65].

По сути, разрабатываемые сегодня в США КРВБ и гиперзвуковые системы вполне удовлетворяют требованиям, предъявляемым к средствам стратегического нападения для нанесения высокоточного, разоружающего удара. Эти характеристики – вполне объективны и вытекают из тех технико-технических требований, которые предъявляются к этому виду оружия, что позволяет прогнозировать их массовое поступление на вооружение к 2025 г. Как видно из данных ниже, создаваемые системы оружия изначально предназначены для этих целей.

Таблица 2. Основные тактико-технические требования, предъявляемые к сверхзвуковой управляемой ракете

Table 2. Major tactical and technical criteria of offensive missile

Максимальная дальность стрельбы, км	Не менее 900
Максимальная скорость полета, число М	4,5
Подлетное время до цели на максимальную дальность, мин	15
Точность наведения (КВО), м	Не более 9
Стартовая масса, кг	820
Масса боевой части (не менее), кг	250
Длина, м	4,27–4,72
Максимальный диаметр, м	0,55–0,6

Повышение возможностей использования КР к 2025 г. приведёт к созданию для России качественно новой угрозы массированного нападения с помощью не-

ядерных крылатых ракет стратегического характера. В особенности с различных направлений Мирового океана. Не случайно утвержденная Президентом РФ в июле 2017 г. новая редакция военно-морской политики фиксирует, что «основными показателями состояния национальной безопасности в области военно-морской деятельности являются состав, состояние и возможности Военно-морского флота, обеспечивающие военную безопасность Российской Федерации с океанских и морских направлений, а также защиту национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане».

Россия также будет стремиться к закреплению ВМФ на втором месте в мире по боевым возможностям. «Российская Федерация не допустит существенного превосходства военно-морских сил других государств над Военно-морским флотом и будет стремиться к его закреплению на втором месте в мире по боевым возможностям»⁴.

В документе отмечается, что в мирное время и в период непосредственной угрозы агрессии ВМФ должен быть способен не допустить силовое давление и агрессию в отношении Российской Федерации и ее союзников с океанских и морских направлений, а также оперативно и скрытно разворачивать силы (войска) в удаленных районах Мирового океана. ВМФ должен быть способен обеспечить устойчивое, скрытное и непрерывное управление силами (войсками) в реальном масштабе времени при их нахождении в любых районах Мирового океана.

В военное время флот должен быть способен нанести неприемлемый ущерб противнику в целях его принуждения к прекращению военных действий на условиях гарантированного обеспечения национальных интересов РФ. Флот должен вести успешное противоборство с противником, обладающим высокотехнологичным военно-морским потенциалом, в том числе имеющим на вооружении высокоточное оружие, с группировками его военно-морских сил в ближних, дальних морских зонах и океанских районах.

В эти же годы в других областях военного строительства США произойдут не менее значительные перемены. В частности, среди средств воздушно-космического нападения, а также систем противоракетной обороны.

Средства воздушно-космической обороны и стратегического сдерживания

Исключительно важное значение для стратегического нападения, обороны и стратегического сдерживания приобрели в последние два десятилетия средства воздушно-космической обороны и нападения (ВКО), которые с военно-политической точки зрения стали синонимами государственного суверенитета. Политическая функция средств ВКО как средств стратегического сдерживания от возможного военного нападения в XXI в. стала играть исключительно важную роль. Войны и военные конфликты – от Югославии и Афганистана до Сирии –

⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42117/print> (Дата обращения: 10.12.2018)

показали, что средствам ВКО принадлежит исключительно важная не только военная, но и политическая роль. Это было ясно продемонстрировано той осторожностью, с которой применяются, например, ВВС США, Израиля или Турции против Сирии. Или отсутствием активных боевых действий авиации Украины против вооружённых сил ДНР и ЛНР.

Более того, наличие эффективных средств ВКО обеспечивало и применение ВВС против сухопутных сил с максимальной эффективностью и минимальными потерями. Это было также доказано проведением успешной операции российскими ВКС в Сирии, которые за два года фактически уничтожили основные воинские вооружённые формирования террористов. Таким образом, наличие или отсутствие эффективных средств ВКО в настоящее время можно отождествлять с наличием или отсутствием у государства суверенитета в области его безопасности [5].

Учитывая, что акценты Запада последних лет были сосредоточены на создании потенциала для возможной эскалации воздушно-космического нападения, состоящей из системы широкомасштабной ПРО, нового поколения СНВ и высокоточных стратегических неядерных систем, перед Россией со всей очевидностью формируется угроза, когда США и их союзники смогут использовать это превосходство для проведения политики «силового принуждения», прежде всего с помощью угрозы применения военной силы и шантажа [3]. Это очень хорошо видно на примере развития всей линейки средств воздушно-космического нападения США и их союзников в последние десятилетия, но – что особенно беспокоит – с достаточно определёнными практическими результатами к 2025–2030 гг. Как видно из презентации генерального директора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» Я.В. Новикова, потенциал стратегического военного нападения сложится в США в процессе начатого военного строительства с очень высокой степенью вероятности.

Поэтому развитие средств воздушно-космического нападения США требует от России адекватных мер в области воздушно-космической обороны, которые охватывают самый широкий спектр мероприятий, в частности, развертывания систем ПРО-ПВО ближней, средней и большой дальности, которые обладали бы очень высокой эффективностью перехвата значительного количества целей. В настоящее время этим требованиям вполне соответствуют три базовые комплекса:

- ближней дальности «Тор»;
- средней дальности «Бук»;
- большой дальности С-400 и С-500.

Ожидается, что концерн «Алмаз-Антей» начнет серийные поставки зенитно-ракетной системы С-500 «Прометей» в 2019 г., которая сможет обеспечить защиту особо важных районов и воинских частей, на что, естественно, потребуются достаточно много времени. Вероятно, этот период составит 10–15 лет, что существенно отстает от темпов роста западных средств воздушно-космического нападения, что дестабилизирует ВПО в районе 2025–2030 гг.

Во многом это объясняется политикой концерна. Изначально, при его создании исходили из необходимости концентрации в одной структуре прежних советских активов, часть из которых уже была приватизирована и перепрофилирована. Диктовалось это необходимостью модернизации всей линейки ВВСТ, обеспечивающих ПВО войск, объектов и ПРО страны от самых разных средств воздушно-космического нападения.

Кроме того, инновационная политика концерна проводится, исходя из непреложного принципа: если постоянно не двигаться вперед, то рано или поздно тебя начнут обгонять более слабые конкуренты. Именно поэтому «Алмаз-Антей» является мировым «законодателем моды» в области систем противоздушной обороны. Причём комплексы последних разработок в значительной степени решают и задачи противоракетной обороны. Именно поэтому в 2018 г. концерн начинает разработку системы ПВО нового поколения [5]. С-500 и предшествующая ей система С-400, уже эксплуатируемая в войсках, – грандиозный проект. Для выпуска этих систем, а также перспективных разработок комплексов ПВО-ПРО был специально построен Нижегородский машиностроительный завод имени 70-летия Победы. Строительство завода обошлось в 45 млрд руб.

При разработке систем ПВО/ПРО концерн «Алмаз-Антей» идёт, что называется, своим путём, который отличен от того, что делают в этой области американские конструкторы. Новейшая модификация американского ЗРК Patriot PAC-3 использует всего лишь одну ракету, которая должна перехватывать и аэродинамические (самолёты и крылатые ракеты), и баллистические цели. Такой универсализм не идёт на пользу боевым характеристикам. Поэтому вероятность поражения баллистической ракеты противоракетой «Патриот» не превышает 10–15%. И это, не учитывая работы станции радиоэлектронной борьбы, которой может быть оснащена ракета. И нижний порог поражения аэродинамических целей слишком большой, то есть противоракета плохо работает по низколетящим целям.

Правда, сравнительно недавно в сухопутные войска США начали приходить узкоспециализированные мобильные комплексы THAAD. Они предназначены для заатмосферного перехвата баллистических ракет. И в них наличие единственной ракеты вполне оправдано. Вот только к этому комплексу надо приставлять ещё и «Патриот», чтобы иметь возможность защищаться от налетов авиации, а также от атаки крылатых ракет. Кстати, именно такой атакующий набор имеет российский оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер», способный одновременно атаковать и баллистической, и крылатой ракетами.

Будущая система С-500 будет универсальна и по своим возможностям значительно превосходить систему С-400, а тем более очень эффективную С-300. У С-500 будет значительный арсенал противоракет «на все случаи жизни». При этом противоракеты для аэродинамических целей и для баллистических строго разделены, что существенно повышает их боевую и экономическую эффективность. С-500 — это, по сути, два различных комплекса, имеющих общую систему

электропитания. У каждой подсистемы своя радиолокационная станция (РЛС) с активной фазированной антенной решёткой, максимально приспособленная для обнаружения и сопровождения своего класса целей.

Каждый новый комплекс ПВО-ПРО, созданный в концерне «Алмаз-Антей», является развитием предыдущих, от которых он наследует наиболее эффективные средства управления, обнаружения и поражения. В «Прометее» используются ракеты, предназначенные для перехвата аэродинамических целей от С-400 «Триумф». Они имеют различную дальность, высоту перехвата, скоростные и динамические качества. Каждая ракета наиболее адаптирована для поражения своего класса целей. Три ракеты разработаны специально для «Прометей». Самой мощной, которая предназначена для борьбы с аэродинамическими целями, является 40Н6М, имеющая дальность, равную 600 км. Дальность ракеты ТНААД в три раза меньше – 200 км.

Ещё две новые ракеты разработаны в КБ «Факел» для баллистических целей. Это 77Н6-Н и 77Н6-Н1. Их характеристики не разглашаются. Известно лишь, что они справляются не только с баллистическими ракетами средней дальности, но и с МБР на среднем и конечном участках их траектории. И не только с самими ракетами, но и с отделившимися боевыми блоками малой заметности, эффективная площадь рассеяния которых не превышает 0,1 кв. м. При этом скорость поражаемых целей может достигать 7 км/с.

Существует информация, поступавшая от компетентных источников в оборонном ведомстве, согласно которой эти две новые ракеты могут использоваться в перспективной модификации системы ПРО Московского региона и Центрального промышленного района А-235 «Нудоль». Это означает, что с принятием на вооружение мобильной ЗРС С-500 в различных регионах России появится столь же надёжный противоракетный зонтик, как и тот, который сейчас защищает столичный регион.

О возможностях новых ракет можно судить, сравнив их с противоракетой ТНААД, максимальная скорость которой достигает 2800 м/с. У российских ракет, предназначенных для поражения баллистических ракет, – 3600 м/с. По дальности превышение четырёхкратное: 800 км против 200 км. (По некоторым сведениям, самая дальняя ракета «Триумфа» способна улететь на 1500 км). По высоте перехвата выигрыш не столь существенен: 200 км против 150 км. Всё это относится к приращению качества системы по отношению к С-400.

Американский комплекс не в состоянии конкурировать с российским, «Прометей» способен отражать массированные ракетные нападения. Дивизион ЗРС-500 сопровождает 160 целей и одновременно обстреливает 80 из них. К достоинствам системы также следует отнести интегрирование комплексов в единую информационную систему, на которую способны работать как беспилотники, так и самолеты ДЛРОиУ (системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления) и мощные РЛС предупреждения о ракетном нападении семейства «Воронеж» с дальностью в 6000 км. По сравнению с предыдущими ЗРК С-500

повысились возможности не только РЛС и противоракет, но и всего комплекса радиоэлектронного оборудования. Новейшие средства связи, относящиеся к шестому поколению, исключают возможность радиоперехвата, а также полностью защищены от внешних помех. В то же время новейшая аппаратура радиоэлектронной борьбы, использованная в мобильных комплексах, расположенных на пятиосных колесных платформах, позволяет с высокой эффективностью нейтрализовать противорадиолокационные ракеты противника. Также ракеты С-500 оснащены аппаратурой подавления РЭБ уничтожаемых целей.

О скором приходе «Прометей» в ВКС свидетельствует то, что на базе Военной академии воздушно-космической обороны началась подготовка офицеров для работы на этих комплексах ПВО-ПРО.

Противодействие средствам стратегического нападения – приоритетная задача обеспечения военной безопасности и стратегического сдерживания, требующая огромных экономических и финансовых затрат, которые стремительно будут увеличиваться у России. Это особенно важно в условиях обострения международной военно-политической обстановки и роста напряженности в отношениях России и Запада. Между тем, если вернуться к экономическим и технологическим перспективам развития России и других центров силы в мире, то неизбежно придется сделать вывод о том, что противодействовать придется в условиях, когда соотношение экономических сил (по объемам ВВП) с Западом будет 1:30, а в области современных технологий – 1: 70 или даже 1: 100.

Поэтому для России потребуется максимально оптимизировать политику стратегического сдерживания и обороны, которая может быть обеспечена достаточно ограниченным уровнем ВВП и зависящими от этого военными расходами в области производства военных средств стратегического нападения и обороны.

Список литературы:

1. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. 252 с.
2. Ильин С. Крылатые ракеты воздушного базирования ВВС США: состояние и перспективы развития // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 8. С. 60–65.
3. Карякин В.В., Козин В.П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века. М.: Граница, 2014. 368 с.
4. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: коллективная монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боршполец. М.: МГИМО-Университет, 2014. 874 с.
5. Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО-Университет, 2014. 488 с.
6. Подберезкин А.И. Современная военная политика России. М.: МГИМО-Университет, 2017. 816 с.
7. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 832 с.
8. Barnett W. P. Strategic deterrence among multipoint competitors // *Industrial and Corporate Change*. 1993. Vol. 2. No. 2. Pp. 249-278.
9. Colby E., Solomon J. Facing Russia: conventional defense and deterrence in Europe // *Survival*. 2015. Vol. 57. No. 6. Pp. 21-50.
10. Freedman L. Framing strategic deterrence: old certainties, new ambiguities // *The RUSI Journal*. 2009. Vol. 154. No. 4. Pp. 46-50.
11. Gompert D., Binnendijk H. The Power to

- Coerce: Countering Adversaries Without Going to War. Santa Monica: RAND, 2016. 52 p.
12. Ven Bruusgaard K. Russian strategic deterrence // Survival. 2016. Vol. 58. No. 4. Pp. 7-26.

Об авторах:

Алексей Иванович Подберёзкин – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д.76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Артём Владимирович Жуков – аспирант МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д.76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

RUSSIA'S STRATEGIC DETERRENCE AND DEFENSE AGAINST POTENTIAL MEANS AND METHODS OF STRATEGIC ATTACK

A.I. Podberezkin, A.V. Zhukov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-141-158

MGIMO-University

Abstract: The article analyzes the concept of strategic stability and its contemporary development in domestic military-political thought. The authors note that the expansion of the meaningful content of the concept of strategic stability in the Russian Federation occurred as a result of the development of strategic non-nuclear deterrence forces and the US policy to reduce the dependence of American foreign and defense policy on the factor of nuclear deterrence. These changes in the military-political situation in the world have led to a reduction in the stability of the relations of key states, despite some proliferation of nuclear weapon technologies in Asian countries.

The article attempts to prove that the Russian Federation is able to withstand the new challenges associated with qualitative changes in the relations of mutual deterrence with the United States. As to this, the authors consistently analyze the historical context and conceptual foundations of deterrence policy, including recent documents adopted at the highest level in Russia. In addition, the authors analyze the recently adopted cruise missile systems in Russia and the United States, as well as anti-missile defense systems that alter the balance of power for a guaranteed response to strategic nuclear forces. Taking into account the current technological developments and the timeline for their implementation, the authors conclude that Russia has been able to achieve significant results in the field of aerospace defense, while naval defense and the introduction of new means of nuclear weapon delivery need additional attention from authorities. Finally, the authors believe that the development of the domestic military-industrial complex directly depends on the country's economic development, which means that the degree of effectiveness of Russian strategic weapons system must remain significantly higher than that of foreign counterparts.

Key words: strategic attack, containment, nuclear weapons, defense, strategy, USA, Russia, foreign policy, military policy.

References

1. Batalov E.Ya. *Politicheskaya kultura sovremennogo amerikanskogo obshchestva* [The political culture of modern American society]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 252 p. (In Russian)
2. Ilin S. Krylatye rakety vozdušnogo bazirovaniya VVS SShA: sostoyanie i perspektivy razvitiya [The U.S. air force air-launched cruise missiles: status and prospects of development]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2011, no. 8, pp. 60–65. (In Russian)
3. Karyakin V.V., Kozin V.P. *Voennaya politika i strategiya SShA v geopoliticheskoy dinamike XXI veka* [Military policy and strategy of the United States in the geopolitics of the XXI century]. Moscow, Granitsa Publ., 2014. 368 p. (In Russian)
4. *Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoy obstanovki: kollektivnaya monografiya* [Some aspects of the military-political situation analysis: collective monograph]. Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 874 p. (In Russian)
5. Podberezkin A.I. *Yevraziyskaya vozdušno-kosmicheskaya oborona* [Eurasian aerospace defense]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 488 p. (In Russian)
6. Podberezkin A.I. *Sovremennaya voennaya politika Rossii* [Modern military policy of Russia]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017. 816 p. (In Russian)
7. Popov I.M., Khamzatov M.M. *Voyna budushchego: Kontseptualnye osnovy i prakticheskie vyvody. Ocherki strategicheskoy mysli* [The war of the future. Conceptual foundations and practical conclusions. Essays on strategic thinking]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 832 p. (In Russian)
8. Barnett W.P. Strategic deterrence among multipoint competitors. *Industrial and Corporate Change*, 1993, vol. 2, no. 2, pp. 249-278.
9. Colby E., Solomon J. Facing Russia: conventional defense and deterrence in Europe. *Survival*, 2015, vol. 57, no. 6, pp. 21-50.
10. Freedman L. Framing strategic deterrence: old certainties, new ambiguities. *The RUSI Journal*, 2009, vol. 154, no. 4, pp. 46-50.
11. Gompert D., Binnendijk H. *The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War*. Santa Monica, RAND Publ., 2016. 52 p.
12. Ven Bruusgaard K. Russian strategic deterrence. *Survival*, 2016, vol. 58, no. 4, pp. 7-26.

About the authors:

Alexei I. Podberezkin – Doctor of History, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO.
E-mail: podberezkin@gmail.com.

Artem V. Zhukov – post-graduate student, MGIMO. Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.